

ШЕРСТЯНАЯ И ХЛОПЧАТОБУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В МОРАВИИ И СИЛЕЗИИ В 18 ВЕКЕ

Резюме

Старая историография не уделяла истории моравской и силезской шерстяной и хлопчатобумажной промышленности слишком большого внимания. Не существует никаких полных разработок, а монографии и статьи, пока речь касается некоторых отдельных важных вопросов развития упомянутых отраслей, являются в большинстве случаев устаревшими. Лишь некоторые сохранили свое значение и до сегодняшнего дня. Пока еще не существует марксистских работ, которые разрешили бы основные проблемы, связанные с развитием промышленного производства в период перехода от феодализма к капитализму в моравско-силезской области. Данная монография пытается объяснить роль и общие тенденции, которые были характерны для моравско-силезской шерстяной и хлопчатобумажной промышленности в 18 столетии. Работа основана в общем на материале источников многочисленных местных и заграничных архивов.

Производство шерсти в Моравии было сильно развито с давних пор. На территории позднейшей Австрийской Силезии выработка шерстяных тканей стояла на втором месте, уступая лишь производству полотна. Хлопчатобумажное производство укореняется в Моравии только во второй половине 18 столетия, тогда как в Австрийской Силезии и в конце 18 столетия эта текстильная отрасль встречается лишь спорадически. Только в течение 19 столетия хлопчатобумажное производство укореняется и в этой области.

Производство шерсти в моравско-силезском районе имело благоприятные условия для развития. Было достаточное количество сырья — шерсти. Местная сырьевая база не удовлетворяла потребности местных сукноделов еще в период, предшествующий 18 в. Овец разводили в большом количестве в феодальных хозяйствах, а также каждый подданный имел большее или меньшее количество овец. В начале 18 столетия лишь в Моравии было более 200 000 овец. В середине 18 столетия их число увеличилось до 720 000. Но количество получаемой шерсти с местных овечьих стад в половине 18 столетия покрывало только около четверти потребностей местных сукноделов и остальных ремесленников, работающих с шерстью. Во второй половине 18 столетия феодалы, а также государственные учреждения, уделили большое внимание дальнейшему расширению разведения овец. Немало заботы было посвящено отбору ценных пород, чтобы улучшилось качество шерсти. В конце 18 столетия некоторые моравские и силезские имения поставляли высококачественную шерсть. Но производство шерстяных тканей быстро развивалось, так что местное производство шерсти, хотя и увеличилось, покрывало на склоне столетия всего лишь десятую часть всей потребности. Почти всю шерсть, в 1798 г. более 127 000 центнеров, обрабатывали сукноделы, ткачи и шерстяные мануфактуры. Главным образом шерсть привозилась из Венгрии. В течение целых десятилетий венгерская шерсть была жизненной необходимостью для тысяч моравских и силезских производителей и мануфактур. Шерсть также доставлялась из Чехии, Польши и Прусской Силезии. Торговлей шерстью владели купцы. Они захватили сырьевую базу, и мелкие производители, цеховые мастера, были

вынуждены покупать у них шерсть по более высоким ценам. Торговцы шерстью держали в своих руках экономически слабых ремесленников.

Самой многочисленной группой тружеников в шерстяной и хлопчатобумажной промышленности были прядильщики. В Моравии и Силезии в конце 18 века их было около 50 000. Гораздо больше было прядильщиков льна. Прядение хлопчатобумажной пряжи распространяется в Моравии только во второй половине 18 века, когда в здешних поместьях были созданы фабрики хлопчатобумажных мануфактур из соседних земель, из Шаштина в Словакии и Швехат в Австрии. Для сукновальных и хлопчатобумажных мастеров пряли в основном члены их семей и городская беднота. Шерстяные мануфактуры, как и хлопчатобумажные, давали городской и сельской бедноте необходимую квалификацию на курсах, иногда называемых прядильными школами. В 1765—1769 годах устройство курсов для прядильщиков финансировало государство. В некоторых мануфактурах прядильщиками работали сироты, заботу о которых государство доверяло предпринимателям мануфактур (например, в первой брнонской суконной мануфактуре, которая по имени владельца именовалась Кеффиллерова мануфактура). Прядильщики шерсти и хлопчатобумажной пряжи примерно на $\frac{2}{3}$ были постоянными работниками. Они жили прядением в течение целого года. За свою работу они получали плату. В обоих видах прядения были ясно выраженные капиталистические производственные отношения.

До половины 18 столетия моравско-силезское производство шерсти лишь за некоторым исключением, было представлено только ремесленным производством. Почти полностью господствовало сукноделие, тогда как хлопчатобумажное производство разраслось только в течение последующих десятилетий. Сукноделие было большей частью городским производством. По статистике 1728 года в Моравии было около 2600 сукноделов. Для Силезии имеем лишь неполные данные 1733 года; тогда там было около 460 мастеров-сукноделов. Крупнейшими центрами сукноделия были Иглава, Новый Ичин, Пришибор, Тршебич, Вишовице, Моравска Тршебова, а в Силезии — Бильско, Опава и Биловец. В конце 20-х годов 18 столетия моравские сукноделы изготовляли около 43 000 штук сукна ежегодно. В первой половине 18 столетия моравское и силезское производство шерстяных тканей переживало глубокую депрессию. Доказательством является пауперизация мелких производителей, уменьшение числа ремесленных мастерских и объема годовой продукции. Главной причиной кризиса были отжившие цеховые формы, которые тормозили развитие производительных сил. Силезское производство шерстяных тканей тяжело постигло уменьшение сбыта на востоке, в Польше и главным образом в России, а также насильственное разделение Силезии в результате войн за австрийский престол. Моравские и силезские сукноделы до половины 18 столетия изготовляли исключительно грубошерстные сорта сукон. Тонкосуконное производство было исключением. В некоторых центрах, преимущественно в Иглаве и Новом Ичине, первостепенное значение имело производство военного сукна. В восточной Моравии, где существовало только сельское нецеховое сукноделие, существенную часть ассортимента составляло грубое сукно, называемое „гуния“ (грубая шерсть с начесом) или валашское сукно. Торговлей шерстью владели купцы. Только более богатые цеховые мастера ездили на рынок и там продавали шерстяные ткани по своему усмотрению. Значительный процент сукон, изготавливаемых моравскими и силезскими ремесленниками продавался на рынках в пределах обеих земель, например, в Брно, Оломоуце, Опаве и др. Но гораздо больше этот товар вывозился в прилегающие земли, в Венгрию, в Австрию, а также за границу, преимущественно в Германию, Польшу, Швейцарию, Семиградье и др. Моравские и силезские сукна попадали за границу чаще всего через другие руки, с помощью, например, венгерских, польских, австрийских купцов, чем прямо вывозились туда местными купцами. Экономически более сильные торговцы сукном были в Иглаве, в Новом Ичине, Фульнике, Оломоуце, Бильске и Опаве. Многие из них

ежегодно продавали за границу много тысяч штук сукна. Сбыт за пределами Моравии и Силезии, будь то в землях, принадлежащих австрийской монархии, или в иностранных государствах, был знаменательным фактором, который заметно повлиял на положение в здешнем производстве шерстяных тканей.

Самым значительным центром в Моравии, и можно сказать во всей средней Европе, была Иглава. В 16 столетии в этом городе было около 700 суконных мастерских, в которых изготовлялись ежегодно десятки тысяч штук качественного сукна. Тридцатилетняя война значительно подломила экономическое значение Иглавы. Город обезлюдел, и сукноделие упало. Но после войны основа иглавской экономической жизни — производство сукна — постепенно пришла в себя. Развитие иглавского сукноделия со середины 17 до середины 18 столетия характеризуется несколькими чертами. Иглавский сукнодельческий цех получил от предыдущих столетий все противоречия, которыми было проникнуто это объединение. Постоянно происходила борьба между массой простых членов и цеховым советом, где были представлены богатые мастера. Следующей чертой развития иглавского сукноделия была постоянная борьба мастеров с местными торговцами шерстью и сукном. И наконец третьим фактором было стремление цехов достигнуть монополии в производстве некоторых видов сукон в моравской области. Австрийская армия потребляла большую часть иглавского военного сукна, а поэтому государство было заинтересовано в развитии этого центра. Уже во второй половине 17 столетия государственные ведомства вмешивались во внутренние дела здешнего цеха и сглаживали противоречия между мастерами и цеховым советом, определяли отношения между сукноделами и торговцами шерстью и сукном, а также давали инструкции городскому магистру. Например, уже в 1663 году под давлением из Вены дело дошло к частичному договору между сукноделами и торговцами, и аналогичный договор был обновлен в 1668 году. Были установлены цены на сукно, которые торговцы были обязаны сохранять при закупках у мастеров-сукноделов. Членам цеха удалось также достигнуть определенного влияния на руководство цеха тем, что они посылали своих представителей в так называемый совет сукноделов, который получил значительное право при контроле ведения хозяйства в цеховых условиях. В конце 17 и в начале 18 веков иглавское сукноделие переживало аналогичную конъюнктуру, причиной которой были военные заказы для австрийской армии, сражающейся на европейских фронтах в борьбе за испанский престол. Но по истечении недолгого времени государственные поставки снизились, и иглавское производство было резко сокращено. Внутренние разногласия в цехе обострились, а также усугубилось противоречие между торговцами и производителями. Эксплуатация мелких производителей группой торговцев совместно с должностными лицами цеха и городским магистратом достигла своей вершины. Год от года обстановка в Иглаве становилась напряженнее и безотраднее. В 1724 году государство послало в Иглаву специальную комиссию, задачей которой было предложить меры для спасения сукноделия от дальнейшего упадка. Комиссия выработала новый цеховой порядок, по которому цеховые дела попадали под прямой контроль государственных ведомств. В начале 1726 года по инициативе государства было учреждено общество сукноделов, которому было предоставлено монопольное право на продажу шерсти и торговлю сукном. Общество функционировало только три года, а затем прекратило свое существование, так как его деятельность не вытекала из потребностей и условий суконного производства, а было учреждением, навязанным государством. В последующие десятилетия мастера-сукноделы были снова отданы на произвол торговли. Но по постановлению государственных органов сукнодельный цех начал закупать шерсть, которую давал в кредит беднейшим членам. Также и готовый товар, поставляемый этими мастерами, цех продавал по своему усмотрению. Начиная с конца 30-х годов 18 века в иглавском сукноделии начинает развиваться особая производственная форма — производственная артель, которая полностью взяла верх во второй половине 18 века. В первой

половине 18 века иглавское сукноделие проходило период стагнации, и даже, можно сказать, упадка. Количество цеховых мастеров уменьшалось. Был ограничен прием новых членов, и с согласия государственных ведомств под различными предлогами закрывались десятки мастерских. К 1752 году по сравнению с 1728 годом, когда в Иглаве был 461 сукнодел, их число уменьшилось на 362. Консервативное и ожившее цеховое учреждение в Иглаве было главной причиной постепенного упадка этого большого центра сукноделия.

Во второй половине 17 столетия в австрийской монархии начали появляться меркантильные идеи и оказывать влияние на государственную экономическую политику. Среди первых здешних меркантилистов, которые появились еще до знаменитых теоретиков и практиков меркантилизма Бехера и Хорнигга, необходимо отметить двух моравских представителей этого течения, брновского старосту Павла Хинка Моргенталера и брновского адвоката Фабиана Шебестяна Маливского из Малива. Первый из них, Моргенталер, уже в 1653 году подал проект, в котором, полностью в меркантильных тенденциях, предлагал, как улучшить экономику в австрийской монархии. Другой моравский меркантилист Маливский, применил свои идеи на практике и основал примерно в 1660 году мануфактуру по выработке тонких сукон в Иванчицах. Позднее эта мануфактура была перенесена в Тишнов, но после смерти своего основателя перестала существовать. Меркантильная практика интенсифицировалась после выступления Бехера и Хорнигга. На территории австрийской монархии возникло несколько крупных мануфактур. В Моравии стоит упомянуть опыт брновских иезуитов в начале 18 столетия, которые начали на свои средства изготовление сукон. Но самое значительное предпринимательство в производстве шерсти в начале 18 столетия связано с именем моравских феодалов Коуницея. Доминик Ондржей Коуниц приблизительно около 1701 года заложил мануфактуру для производства тонких сукон в Славкове и одновременно вторую, для производства мельничных полотен и крепона в другом своем поместье, в Кржижанове. Коуницовские мануфактуры по организационному уровню принадлежали к концентрированным и имели капиталистический характер. Кржижановская мануфактура, основное ядро которой составляли швейцарцы, была перенесена в Славков. Но и славковская мануфактура не пронесла хозяевам никаких доходов и в 1716 году прекратила свое существование. В течение последующих почти сорока лет шерстяные мануфактуры в Моравии не возникают. Их дальнейший размах начинается лишь во второй половине 18 столетия.

Во второй половине 18 века производство шерсти в моравско-силезской области значительно увеличилось. Государство ограничило ранее существовавшие цеховые препятствия. Возможность роста была дана и ремесленному производству шерсти. Одновременно с сукноделием было взято под опеку в то время производство хлопчатобумажных и различных полушерстяных тканей. Объем мануфактурного производства приобрел год от года все большее значение. В 1791 году в Моравии и Силезии было 5197 мастеров-сукноделов с 4515 станками. В суконных мануфактурах было 230 ткацких станков. Ремесленников, производящих хлопчатобумажные ткани, было 103 со 142 станками, а в хлопчатобумажных мануфактурах было около 450 ткацких станков. На склоне века, в 1798 году, сукноделы и производители хлопчатобумажных тканей работали на 5500 ткацких станках, а в шерстяных мануфактурах было еще 1200 ткацких станков. Годовая продукция составляла около 190 000 штук шерстяных тканей всех сортов. Некоторые центры производства шерсти в эти десятилетия достигли замечательного размаха. Здесь следует назвать Новый Ичин, Пршибор и Фульнек. Иглавское сукноделие, благодаря новой организации, так называемому братству сукноделов, снова на несколько лет расцвело. Форма артельного производства, которая преобладала в этом центре сукноделия, была первоначально движущим рычагом развития. Однако уже на склоне 18 столетия иглавское сукноделие постигает огромная депрессия, после которой оно уже не оправилось.

Во второй половине 18 века относятся начала одного из крупнейших средневековых центров шерсти — Брно. В этом городе был лишь слабый сукнодельный цех, насчитывающий не более 12 мастеров. Но через полвека, на грани 18 и 19 столетий, в Брно была дюжина шерстяных мануфактур, в которых находило средства к существованию более 11 000 человек. Годовое производство сукон и хлопчатобумажных тканей всех сортов составляло свыше нескольких десятков тысяч штук. Брновское шерстяное производство выросло на основе мануфактурного производства вне связи с цеховыми традициями в отличие от иных городов, например, Иглавы, Нового Ичина или Либерца в Чехии. На начальных фазах брновских мануфактур важную роль играли государственные ведомства. Моравское мануфактурное ведомство вместе со ссудным банком, деятельность которых была согласована с государственной экономической политикой, пыталась уже в 50-е годы 18 века завести в Моравии, и в основном в Брно, производство некоторых сортов текстиля, как, например, тонких сукон, хлопчатобумажных тканей. Под руководством ссудного банка или мануфактурного ведомства в Брно работало несколько иностранных специалистов, голландцев и силезцев. В 1763 году ссудный банк принял управление суконных мануфактур, которое до сих пор было расположено в Кладрубах в Чехии. Мануфактура была переведена в Брно. Через несколько лет ссудный банк отказался от первой брновской мануфактуры в пользу общества, состоящего из брновских торговцев. Самым инициативным из них был Кёффиллер, позднее ее владелец. Эта мануфактура достигла значительного размаха в 80-е годы, когда имела более 120 ткацких станков. Но Кёффиллер задолжал, а когда был вынужден ограничить вывоз в Турцию в результате военного конфликта, кредиторы добились исполнительного судебного производства, в результате которого в 1792—1793 гг. мануфактура перестала существовать. Почти одновременно с первой суконной мануфактурой в Брно возникла другая мануфактура для производства плюша и хлопчатобумажных тканей. Предпринимательство финансировало государство, работниками были французские специалисты из Амьена. Но и эта мануфактура не просуществовала долго и уже в начале 70-х гг. была закрыта. Работниками первых брновских мануфактур были частично иностранцы (голландца и французы), а частично местные жители. Со временем местные работники начали выполнять и самые ответственные функции. Количество иностранцев постоянно уменьшалось. В последние два десятилетия число шерстяных мануфактур быстро расло. Предприниматели были в подавляющем большинстве бывшими служащими Кёффиллеровой мануфактуры. Они начинали с нескольких станков, но некоторые из них достигли значительных успехов. Назовем, например, предпринимателя Мунда, который начинал у Кёффиллера как подмастерье, а на склоне века имел большие мануфактуры в Брно, Тишнове и Тешине. Брновские шерстяные мануфактуры имели капиталистический характер и в общем принадлежали к концентрированным мануфактурам. Они были оборудованы всей тогда известной техникой, и уже в начале 19 столетия в них начали появляться такие станки, как, например, стригущий станок и т. д. Служащими брновских мануфактур в большинстве были местные бедные цеховые мастера, подмастерья и беднота городов и широких окрестностей. Большая концентрация мануфактурного производства в этом городе была одной из главных причин его значительной активности в борьбе против жестокой капиталистической эксплуатации.

Самая большая моравская хлопчатобумажная мануфактура возникла в Уницеве. Город основал ее в середине 60-х годов. Через несколько лет ее руководство перешло в руки группы венских торговцев. В Моравии и в Силезии во второй половине 18 века возникло еще несколько шерстяных мануфактур. В некоторых случаях их основателями и владельцами были феодалы. Но большинство из них было основано представителями нарождающейся буржуазии, торговцами, богатыми цеховыми мастерами и т. п. Лишь за несколькими незначительными исключениями, речь шла о концентрированных мануфактурах. Но во всех

часть прядильщиков работала дома, а поэтому определенный процент станков был размещен в жилье мануфактурных работников. Но главные производственные операции производились в мануфактурных мастерских. Мануфактуры развивались в феодальных общественных отношениях. Это отразилось на формировании производственных отношений. В шерстяных мануфактурах, и в тех случаях, когда их хозяином был феодал, феодальные производственные отношения появлялись лишь в незначительной мере, в отличие от производства полотна, где внеэкономическое насилие проявлялось в некоторых мануфактурах сильнее. В шерстяных мануфактурах были полностью развернуты капиталистические производственные отношения.

Хлопчатобумажное производство в Моравии и особенно в Силезии во второй половине 18 столетия значительно не расширилось. Интересно то явление, что производство хлопчатобумажных тканей было почти ограничено мануфактурами. В хлопчатобумажном производстве на первое место необходимо поставить Шумперк. С половины 18 столетия здесь начали изготавливать полухлопчатобумажные и позже хлопчатобумажные ткани различных сортов. Одновременно в здеших мануфактурах выработывался плюш и бархат. Шумперкская мануфактура, владельцем которой был венский купец Клаппрот, в действительности состояла из двух частей. Одна для производства хлопчатобумажного вельвета, духестра и различного плюша и бархата, была сконцентрирована в мануфактурных мастерских. Другую составляли члены местного цеха „трипа-реу“, которые работали на основе договора для мануфактур на дому. Они поставляли в основном полухлопчатобумажную ткань, называемую „трип“. Шумперк и его окрестности в течение первой половины 18 столетия попали в число первых хлопчатобумажных областей в чешских землях. Самую большую моравскую хлопчатобумажную мануфактуру основал граф Блюмеген в своём имении в Летовицах. Эта мануфактура, возникшая в конце 40-х гг., первоначально была направлена на производство льняных тканей. Только в конце 60-х гг., она была изменена в хлопчатобумажную мануфактуру. В начале 90-х гг. в ней работало 600 станков, и ежегодная продукция составляла около 22—24 тыс. штук ситца. В Моравии возникло еще несколько хлопчатобумажных мануфактур, например, в Старом Хобзе, в Бртнице и т. д. В Силезии некоторые сорта полухлопчатобумажных тканей изготавливались в шерстяных мануфактурах. Хлопчатобумажное производство здесь несколько больше расширилось уже в 19 столетии.

Шерстяные мануфактуры специализировались на производстве лучших и более дорогих тканей. Этот товар продавался большей частью на рынках за пределами Моравии и Силезии. Крупными покупателями были купцы в Вене, Линце, Пеште и т. п. Но предприниматели мануфактур сами себе находили круг заграничных заказчиков. Очень значительным был вывоз местных шерстяных тканей на Балканы, в земли турецкой империи. Удалось также проникнуть на рынки Италии, а некоторые сорта моравских сукон упрочили свои позиции на рынках в Швейцарии и западной Германии. Присоединение Галиции к австрийской монархии способствовало сбыту моравских и силезских тканей на востоке. Для ремесленного производства и в несколько меньшей мере для мануфактур главную сферу сбыта создавал спрос на широком внутреннем рынке в областях австрийской монархии.

Мы уже упоминали, что в некоторых шерстяных мануфактурах (то же касается и мануфактур хлопчатобумажных) преобладают вполне капиталистические производственные отношения. Феодальные пережитки были в этих, в большинстве концентрированных мануфактурах, совсем незначительны. Но капиталистический способ производства и капиталистические производственные отношения не ограничивались лишь концентрированными мануфактурами. Уже на склоне 16 века мы можем проследить появление капиталистических производственных отношений в ремесленном производстве — в сукнодельных цехах. Надомничество, которое можно характеризовать как расплывенную мануфактуру, в произ-

водстве шерсти было частым явлением, и в течение 18 столетия значительная часть сукноделов была ни чем иным, как наемными грузениками в распыленных мануфактурах. Пауперизация мелких производителей постоянно интенсифицировалась. Торговцы шерстью и сукном эксплуатировали суконщиков и ткачей при продаже шерсти и при закупке сукон. Зарплата производителей, которые работали для работодателя была необычайно низкой. Также обычным явлением в мануфактурах была жестокая эксплуатация труженников. Зарботки были недостаточными особенно в годы, когда уменьшался сбыт и предприниматель имел в распоряжении избыток рабочей силы. Жизненные условия работников в шерстяном производстве, работали ли они в своих мастерских или в мастерских мануфактур, были тяжелыми. За многочасовую работу они зарабатывали несколько крейцеров, из которых вычитались штрафы за малейший брак. На эту нищенскую зарплату они должны были содержать семьи, платить различные налоги государству, многочисленным феодальным властям и церкви. Не удивительно, что были вынуждены работать все члены семей, от детей до старцев, потому что только так они могли заработать на самые необходимые жизненные потребности. Большинство работников мануфактур жило в негигиенических, переполненных помещениях, часто в рабочих местах. Отношение начальников было грубым, не были исключены случаи телесного наказания не только детей, но и подростков. Но уже в конце 18 века среди мануфактурных работников можно наблюдать отпор эксплуататорским притеснениям хозяев мануфактур. Особенно в Брно, где была велика концентрация мануфактурных работников, дело дошло к первым забастовкам, а в начале 19 века при введении станков к бунтам против из использования и к их порче. В страданиях и борьбе рождался новый общественный класс — пролетариат.

Перевела Л. Ондржейова